

жалуйста», потому что кот ей определенно не нравился, а вступать в отношения после ведра с песком уж кто захочет. Мама реактивно набросала на чудо-дерево бус, мишуры, антикварных игрушек и дождиков и, отбежав на безопасное расстояние, обозначила точки, с которых на елку-умницу можно любоваться, ни в коем случае не подходя ближе.

Это было странное, но все же СОБЫТИЕ. В комплекте к подарочной елке прилагалась веточка, к которой крепились пять или шесть мандаринов с листочками. Представьте себе изумление и восторг южного советского ребенка: елка-которая-елка, как в книгах, и такие же нереальные мандарины с дерева. Новый год, считайте, вот уже – наступил. Какие еще чудеса нужны. Разве что снег еще. Но он в наших краях ближе к марту шел обычно, и то не всякий год.

К ночи все уgomонились. И только легли спать, как услышали злое «ш-ш-ш-ш-ш... бздынь». И еще раз. И еще. И опять. Мама включила свет и произнесла «Ну, тварь, щас ты получишь» тоном, от которого лично я могла бы оказаться у канадской границы быстрее, чем за пять минут. Но обращалась она к коту, который недоуменно сидел на шкафу и вместе с нами с ужасом смотрел, как под ритмичное «ш-ш-ш-ш-ш... бздынь» с оголяющихся веточек легко, стягивая иголки, сползали раритетные синьоры помидоры и экзотические птицы, трофейные арапчата и деды-морозы на прищепках, сосульки и звезды. Деревянный пол был устлан хвойным ковром и осколками игрушек, которые бабушка в начале 1950-х привезла из Латвии. Кота на шкафу рвало зеленым. Дедушка деликатно и жалостливо поддерживал бабушку под локоть. Бабушка бормотала что-то типа «елки-палки».

Много лет не вспоминала об этом. Просто сейчас со звуком «ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш... бздынь» на полке неожиданно поехали книги и вытолкнули почему-то лежавший там маленький елочный шарик. Неожиданно стеклянный, хотя мы давно покупаем только небьющиеся игрушки.

Я поняла, на что был похож этот год. «Ш-ш-ш-ш-ш-ш... бздынь».

ДМИТРИЙ ЧЕХОВСКИЙ

Годы идут...

Вдалеке-вдалеке над городом вспыхивают и гаснут звезды фейерверков. Отсветы и искры опадают на черные зубцы домов: весь город – неровный гребень. Я на окраине, в пригороде, на окраине пригорода. Я не один: навстречу мне ползут дома с распахнутыми огневymi глазами, светло-серой – даже ночью – пористой бетонной кожей. Дома гомонят монологи, но шум затихает, голос становится един.

– Дорогие друзья!

Пахнет морозом и почти прошлогодней листвой. Я больше не смотрю на фейерверки, задираю голову, подпираю взглядом беспроглядную ночь.

– Новый год. Этот светлый праздник приходит к нам снова и снова, но каждый раз мы воспринимаем его другим, ждем, как желанного и дорогого незнакомца.

Дальше. Загребая ногами листья и снежную крупу, вдыхаю запах дрожжей и ячменя. Чтобы не уронить небо и не упасть, опираюсь о стены. Грубые поры железобетона сменила обветренная шероховатость кирпича.

Сплетемся, как нити в веретене,
и будем гадать,
 что задумает дым
акрилом на облачном полотне.
Весь день проведем,
 согревая кров:
Святое Семейство
 не спит в пещере.
Звезде – к Вифлеему вести волхвов,
Чтоб в наши затем
 постучаться двери.

АЛЕКСАНДР ИЛИЧЕВСКИЙ

* * *

Беспокойная встреча Нового года приключилась со мной в Бирмингеме, Алабама. Тогда на подступах к центральной площади города на разгоряченную напитками толпу налетела конная полиция. Было тепло; помню, что шли мы через бесконечные лужайки парков и газоны перед домами со светящимися дверями, открытыми в другую, заманчивую жизнь, которая начиналась, как правило, с холодильников, обвешанных сувенирными магнитиками. Народ толпился на крыльце, сидел на ступеньках, потягивая что-то из стаканов, переговариваясь с теми, кто отбивался от шествия, чтобы, может быть, присоединиться к новой компании. И вдруг откуда ни возьмись явилась конница. Поразили встающие на дыбы огромные черные кони, показывающие фонарям свои зубы. Началась непрошенная движуха, все куда-то кинулись зачем-то бежать, толпу теснили вот эти почти шахматные лошади гулливеров, и мы куда-то тоже отступили, чтобы в полной тишине произнести, глядя на наручные часы: «Новым годом!»

А самая загадочная новогодняя полночь со мной случилась в переулках близ Покровского бульвара. Так вышло, что Новый год мне предстояло встретить самостоятельно, но потом я должен был отправиться в гости. Дома не сиделось, и я решил побродить в любимой местности. Мне всегда казалось, что если жить в некоторых волшебных местах, которые есть, есть в столице, то никакая эмиграция не сможет тебя одолеть... Москва отдаленно гудела. Во дворах на спуске с горки Большого Трехсвятительского переулкa царили сугробы выше человеческого роста. Наметилась оттепель, и с козырька парадного серебряными ниточками сочилась капель. В какой-то момент вокруг все замерло. Тишина, которую вы переживаете в большом городе, всегда особенная. Это сродни обмороку. И тогда я посмотрел вверх и огляделся. Крыши, окна, стены, тоннель подворотни, тайные двери черного хода, горбы пристроек – все это было совершенно пустой Москвой. И какой-то до самого нутра родной. Понятно, что последние секунды старого года и первые нового времени – это волшебные мгновения; особенно когда тебя не отвлекает звон бокалов. Но все равно интересно, что тогда эта парадоксальная тишина мне показалась некой тенью, неким взмахом крыла. Но вот капель снова застучала, и грянул город вдалеке и поближе. В этот год я уехал.

Бабушка готовила еще больше и вкуснее, чем обычно, разрешала Сереге с двоюродными сестрами съесть первую порцию имбирных пряников еще горячими, не гневалась на дедушку и дядю Колю, когда те слишком оперативно открывали очередную бутылку любимого вина.

Она даже не поджимала губы, видя, что мама и тетя Света, прихватив бокалы и коробку конфет, хохочут на веранде или у телевизора, вместо того чтобы помочь. А те, спохватившись, бежали строгать оливье и винегрет – с энтузиазмом, которого за ними не водилось летом.

Мама забывала, что Серега – подросток и его нужно воспитывать не покладая рук. Расслаблялась и не гнала его вечером чистить зубы, не отнимала телефон, не запрещала гулять с пацанами по поселку до ночи, а потом еще полночи смотреть с дядей Колей кино.

Тетя Света тоже отдыхала от роли хорошей матери, поэтому всю новогоднюю неделю близняшки бегали по дому непричесанные и в пижамах и только на праздник наряжались в пышные платья и надевали короны.

В новогоднюю ночь вся семья устраивала концерт: пели и танцевали, шутили, а ровно в полночь под елкой всегда появлялись подарки для Сережи и девочек. Чудеса!

Подготовку к этому Новому году обсуждали в семейном чате, в который добавили и Серегу. Он был теперь почти что взрослый – в марте ему исполнится тринадцать, решили, что он может помогать и высказываться наравне со старшими, это было приятно.

Бабушку интересовала еда, маму и дедушку – напитки, дядя Коля в чате напоминал всем, что ежегодный концерт «состоится при любой погоде», а тетя Света просила придумать, как спрятать подарки, – девочкам стукнуло по семь лет, и их было уже не так просто провести.

Конечно, близняшки верили в Деда Мороза. Серега и сам долго верил. Может, сомневался, но как-то же подарки появлялись под елкой, хотя он следил не отвлекаясь. Выходило, что все же отвлекался, не чудеса это были, а фокусы взрослых.

Серега сам предложил, что он займет внимание сестер, а дядя Коля в это время поставит подарки девочкам под елку. Всем идея понравилась.

В новогоднюю ночь все было как полагается – концерт (Серега сыграл испанскую песенку на гитаре, мама и тетя хором спели «Кабы не было зимы», а дедушка прочел длинные стихи Бродского), проводы старого года, долгий тост дяди Коли, переходящий в речь президента.

Когда в телевизоре заиграл гимн, все закричали «С Новым годом!», бросились обниматься и целоваться, Серега, помня о своей важной роли, вывернулся из объятий бабушки и кинулся с бенгальскими огнями к сестренкам. – Ариш, Мариш, держите, у кого догорит, пока музыка играет – желание исполнится, загадывайте! – верещал, а сам своей не сильно широкой спиной прикрывал обзор – наверняка дядя Коля уже юркнул в кладовку.

Девочки смотрели на огоньки и смеялись, Ариша взвизгнула – искры летели во все стороны.

– Повыше держи, стол не сожги! – поучал Серега.

Мама подмигнула ему, и он понял, что дело сделано. Бенгальские огни догорели, девочки, опомнившись, с радостными воплями бросились к елке, у нижних веток которой виднелись подарочные коробки.

Тетя Света со смехом сказала:

– Пойдем, Сереж, поможешь, принесем наши подарки, я одна не утащу.

Пока они топали по лестнице на второй этаж, Серега с тоской думал, что вот он и вырос. Вообще-то ему хотелось вырасти, хотя бы для того, чтобы

с кардамоном, корицей,
гвоздикой
и сливочным маслом,
ухнет ящик,
качнется
под нами пол,
указательный палец
неуклюже подцепит тебя за подол,
меня за ботинок,
бросит в воду вместе с верблюдом,
ежом, тапиром,
парой уродок-снежинок.

Пусть тонуть нам тошно и душно, говорит человек жене,
ты не верь в его милость,
когда нас бережно вытрут
вафельным полотенцем.
Будь готова к жару ладони,
что твое звонкое тельце
придавит к ароматному тесту,
на мгновение вырвет и снова
наполнит нутром,
страхом, смыслом, сочельником, словом.

Ты тогда, говорит человек,
успевай дышать, дорогая.
Постарайся заметить
хотя бы
периферическим зрением,
как неловко подпрыгнет ветка
вслед хохлатой синице,
как фонарь оранжевым светом
наполнит стекла растений,
как твердеет снежная вата.

И молись, чтобы это тесто
никогда у него не кончалось.

ИРИНА БАЗАЛЕЕВА

Однажды под Новый год

Однажды, будучи студенткой, за два дня до Нового года я купила елку на городском вокзале и в час пик повезла ее домой в электричке. В тот год почему-то их было не купить. В электричке нам с елкой освободили место у дверей, уставшие попутчики тянули носами на хвойный запах, хвалили елку и интересовались, где брала.

А сейчас через весь город я бы елку не повезла.

Однажды, лет в пятнадцать, а интернета тогда не было, я прочла в отрывном календаре, как испанские красавицы для того, чтобы блестели глаза,

брызгали в них свежим соком апельсина. 31 декабря я вспомнила этот любопытный факт, когда мыла мандарины для праздничного стола.

Тот вечер мне запомнился, ведь испанки знали толк в красоте – мои глаза блестели без притворства.

Однажды в новогоднюю ночь мы с шестилетней подружкой дочкой шили фетровую сумочку из подаренного ей набора для рукоделия. Оставалось немного, подмастерье давно уснул, я вернулась к себе домой, на следующий день уехала еще в какие-то гости, а оттуда подруга достала меня звонком, что сумочку срочно требуют дошить.

Пришлось срываться ехать и вторую ночь подряд пришивать оранжевые цветки и плести ремешок.

Однажды 31 декабря, выспавшись после работы и корпоративов, я пошла на рынок за продуктами к новому столу. Почему-то для меня было важно купить копченую свиную шейку, мандарины и свежие огурцы для какого-то салата с кукурузой. На рынке пахло соленой рыбой, сосновыми ветками, сельдереем и заранее нетрезвыми людьми. Сыпала метелица, сквозь нее улыбались и кричали, а у меня в голове вертелись попеременно «к белым звездочкам в буране тянутся цветы герани» и «над тишиной замерзающих рек снег».

В тот год получился чудесный праздник.

Однажды я встречала православное Рождество в компании увлеченных эзотерикой знакомых. Мы ели оранжевого цвета рис, подкрашенный куркумой – тогда это было в диковинку, – и, наугад назвав страницу и строку, читали предсказания из Библии. Все вперемешку, но относились к прочитанному ужасно серьезно.

Поэтому солидный мужчина, получив предсказание о новеньком младенце в семье, запаниковал так, что его жене пришлось его успокаивать.

Однажды я провела новогоднюю ночь на пижамной танцевальной вечеринке. Специально купила черно-белую в цветочек пижаму и шляпку с черной розой. Было забавно, однако наиболее предприимчивые дамы пришли-таки в вечерних платьях.

Зато теперь у меня есть фото из одного культурного заведения, где я в пижаме для сна.

У меня в детстве была примета. 31 декабря я старалась поделаться максимум интересных дел, чтобы новый год был ими тоже наполнен. Порисовать, почитать, помузицировать, порубить оливье (впрочем, здесь мне выбора не предоставляли), сходить на прогулку (заодно и хлеба захватить перед тем, как ковер понесешь снегом чистить), посмотреть сказки по телевизору и даже порукодельничать (а помощь родителям в планы входит? – вот тряпка протирать посуду в серванте).

Но обычно я все успевала.

И под Новый год случилось чудо чудное: приехал в городок муж ученый, кто на все царство славен был трудами чародейскими да грамотами бере-
стянными, что в забытых всеми городках находились-то.

Жил давно муж ученый в великом городе, а все же душа его лежала к род-
ному городку. Приехал он, глянь – двory постоялые закрыты, лавки про-
дуктовые не работают, и даже трактира не сыскать. «Праздник нынче,
чего ж хотели, сударь?» – только и слышал отовсюду. Подивился муж ученый:
великий город в праздник стоял украшенный чище елки, в нем и фонарики
на славу, и песняры поют-танцуют, и медовухой тянет сладко, и блинами
с икрой зазывно. Жалко стало мужу ученому, что в городке не то что песня-
ров и фонариков, икры красной не сыскать, икру мойвы подкопченную или
классическую со вкусом икры разве что.

Посмурнел он, отправился в новогоднюю ночь скитаться. Глянь – по реке
плывет сундук деревянный! Поймал муж ученый сундук, а в сундуке том шка-
тулка расписная, а в шкатулке грамота. И стояли в той грамоте письма
зачарованные.

Взял муж ученый грамоту и сотворил над ней колдовство. Полил мертвой
водой – засияла грамота как новая. Полил живой водой – проступило слово
ясное.

Как увидел его муж ученый, так и задумался крепко. Все грамоты найден-
ные велено было отдавать в город великий, да что-то неладно случилось на
душе у мужа. Сел он на берегу реки, оглядел городок и закручинился: гра-
моту не отдашь – сам голову потеряешь, а отдашь – так городку помирать.

Прискакала к нему лягушка. Обрадовался муж ученый: дай, думает, спро-
шу у нее совета. Да ничего она ему не молвила, квакнула только. Разозлил-
ся на себя муж пуще прежнего: кто ж здесь ученый, он или лягушка!

Понес он тогда грамоту волшебную многоумным книжникам в институт
льна, что в городке стоял.

Корпят в институте мастера умелые, ищут они знание потайное, рецепт
великий. И нашли они формулу, и отдали ее на фабрику золотошвейную.

Фабрика золотошвейная горит-кипит в работе над полотном узорчатым,
рук не покладая. С городка и округи торопятся пособить мамушки и дя-
дюшки, нянюшки и мастеровые, девицы и юноши, и несут они всего – шелку,
золота и серебра, что у них есть.

Видят они полотно чудное: где кольнут швеи иглой раз – газон появится,
где кольнут другой раз – забор ровный встанет, где кольнут третий – хлам
пропадет.

Светится то полотно ярче солнца красного.

А мастерицы вышивают голубей дивных: три золотых, да три серебряных,
да три медных.

А на голубе каждом том слово из грамоты.

Так за неделю и управились, пока все царство пировало.

Как последнего голубя вышили в ночь перед Рождеством, собрался весь
окрестный люд по колокольням да и накрыл полотном городок, приговари-
вая слова заветные.

И били они в колокол главный, и с двенадцатым ударом расплелось то по-
лотно, а голуби встряхнулись, слетели и отправились городку дары раздавать.

Где пролетят голуби медные – там дома поровнели, где пролетят сере-
бряные – там дыры залатались, где пролетят золотые – там лавки богатые
открылись.

И стал город краше всех в округе! Да так, что люд местный им хвалился,
а люд приезжий не мог его миновать. И не меньше великих городов пошла

его слава по царству, а мужа ученого наградили щедро, златом-серебром его осыпали и лягушке на всякий случай коробчонку шелком устлали, ведь молчание – тоже золото.

И полетели голуби дальше, и понесли весть другим городам первого царства, да не первого государства.

И весть та была на грамоте:
Возделай свой сад.

ЯНА ЯЖМИНА

Пластмасса, пиксели и хвоя

Сколько себя помню, в нашем доме не было живой елки. Возможно, взрослые знали, сколько с ней мороки (найди, сруби, поставь, подмети, подмети, выброси). Возможно, против нее был ковер, занимавший все пространство комнаты. А может быть, покупка искусственного дерева была их совместным (с ковром) решением. Так или иначе, подарки появлялись ровно в полночь даже под пластмассовыми ветками, и меня (ребенка) это устраивало.

Все начиналось внезапно. В субботу или воскресенье маму озаряло: пора наряжать елку. Тогда с антресоли доставали коробки: одну – размером с пятиклассника, вторую – с его рюкзак, а последняя едва бы вместила сменку. В первой хранилась непосредственно елка, во второй – игрушки и мишура. В третьей же – кукла Барби в голубой шубке и Дед Мороз, сделанный из какого-то материала, похожего на строительную пену. Думаю, такой «дежурный» Дед Мороз был почти в каждой советской квартире. У нас до сих пор живет.

Обряд возведения елки напоминал строительство снеговика. Дело в том, что каркас состоял из трех частей: большая, средняя и маленькая нанизывались друг на друга пирамидкой. Но был нюанс. Ветки распушить на каждом участке нужно было заранее. Поэтому бабушка, мама и я вместе садились на ковер (мягкая пластиковая стружка его устраивала, легко исчезая в пылесосе) и расправляли каждую еловую лапу. Я – верхушку. А кому доставалась середина и самый большой нижний кусок, взрослые как-то между собой решали. Затем устанавливалась «рогатина» с болтами. Мне говорили, что дедушка смастерил ее сам. Я не понимала, как можно сделать что-то из железа, но гордилась. В нее поэтапно втыкалась елка. Чтобы потом не залезать под потолок, на самую высокую ветку сразу надевали шпиль. Игрушки сначала доставали из коробки и рассматривали. Каждый год что-то покрывалось трещинами или разбивалось. Поэтому надо было понять, «что мы имеем». Сказочные фигурки на прищепках считались самыми ценными и хранились даже со сколами. Остальным шарикам/орешкам такое не прощали. А пластиковые украшения мне нравились больше всего. Самые яркие, надежные, обсыпаны блестками. К тому же их мне разрешали брать. До привилегии вешать стеклянные игрушки я выросла значительно позже.

С пяти до двадцати пяти (до этого – не берусь судить) раскладная елка была моим проводником в следующий год. А затем переезд. Я сняла комнату. Та зима была полна неопределенности, до последнего было неясно, где встречать 2021-й. А значит, никакой подготовки. Когда все планы накрылись, я обреченно села посреди пустой кухни.

- Ну, все. Вот и отпраздновала. – Квартира напоминала песню «Вахтерам». Белые обои, посуда из черной керамики, еще одна соседка в другой комнате. Кто мы и откуда?
- Бежать в магазин за елкой казалось совсем неудачной затеей. Дорого и несправедливо*. Решение пришло из прошлого, когда я работала в лагере. В тот год у нас был один из лучших вожатских составов.
- Ксения Андреевна, нам нужно провести на смене два праздника, – пишу я в наш отрядный чат «Подруга-ночь».
- Дни рождения есть? – уточняет она с надеждой.
- Тридцать детей есть, дней рождения нет. Какие еще ты знаешь праздники?
- Яна Александровна, а давай Новый год?
- В июне? Записываю.

12 июня. Вечер, проектор выводит на стену изображение новогодней елки. Дети сидят в пижамах с мандаринами и сладостями. Из колонок орет «Дискотека Авария». Мы танцуем и заматываем коллегу в гирлянду. Затем все вручают друг другу наспех сделанные подарки. Легким щелчком мыши елка гаснет, а затем превращается в дом, где мальчик остался совершенно один. И еще полтора часа дети увлеченно смотрят в стену. Вот такое «раз-два-три».

Еще один спонтанный Новый год под проектором я встречала с любимым человеком 4 ноября. Нравится мне, видимо, замечать патриотические праздники.

И вот, впервые, в ночь с 31-го на 1-е виртуальная елка своевременно отобразилась на моих белых обоях под покраску. На полу громоздились пакеты «открыть в полночь». Трансляция с телефона (не оставаться же без елки), шампанское, распаковка, звонки... А потом удобно: выключаешь проектор, и ничего убирать не надо. Сервис! Прогресс! Цивилизация!

Но главное знакомство с праздничным деревом состоялось для меня в прошлом году.

- Хочу живую елку, – заявила я маме, приехав к ней на выходные.

Мама вздохнула, но спорить не стала. На полке среди спортивных футболок ждал своего часа топор. Списки лесничеств, поиск подходящей по высоте и форме елочки, «пеленание» в пододеяльник, трехчасовая дорога в город по пробкам... Безуспешная попытка зафиксировать ствол в ведре... Радостная находка на балконе – специальная подставка. Затопленный пол. Покупка новой подставки без трещины. И ура, 10 декабря в моей комнате вкусно пахло свежими иголками.

Люди, наступавшие на эти грабли, уже сейчас поймут, в чем подвох. Остальным рассказываю. Двадцать дней в теплом помещении срубленное дерево стоит не очень охотно. Без энтузиазма.

Когда через неделю половина хвои оказалась на полу, я заподозрила неладное и выяснила, что надо было держать елку на балконе. Кто же знал! За время транспортировки на мороз колючей стала вся комната. Особенно кровать, куда я по счастливой случайности рухнула вместе с хрупким грузом. Новогодней ночью на моем столе стояла... ветка. Размером с «верхушку» искусственной елки. Этакий символический огрызок праздника. Было обидно, но «зато настоящая».

Утро ознаменовалось для меня двумя событиями. Первое – ветка стала палкой. А второе – торговец новогодней атрибутикой решил как можно ско-

* Цитата из книги «Стрим» И. Шипнигова.

рее покинуть самодельный рынок на пяточке перед домом. Все непроданные деревья были свалены в кучу через дорогу.

«Это знак», – решила я. А теперь представьте картину: 1 января девушка тащит через проезжую часть трехметровое раскидистое дерево, катает по снегу, чтобы отчистить грязь, а затем затаскивает этого зеленого монстра в парадную. Еще раз: 1 января.

Елка оказалась с характером и не хотела помещаться в лифт. Затем в дверь квартиры. Затем в комнатную. На этом этапе я пожалела о своем решении продлить праздник. Когда она не влезла в пространство «пол – потолок», я уже выла и хваталась за голову исколотыми руками. Канцелярский нож, несколько часов работы, еще одна подставка... и две трети комнаты оказались заняты этой нескромной барышней. Да, не о таком сожителстве я мечтала.

Как мы провели с ней два месяца, расскажу кратко. Неделю я не могла открыть шкаф, а затем, не решаясь выкинуть такую красоту, я вытащила ее на балкон до середины марта. К этому моменту царапины от прошлых перемещений зажили, так что я героически выволокла лысую палку и мешок иголок на улицу.

Кажется, в начале октября из-под подушки на мою ладонь напала последняя колючка. На балконе в ковре живет еще некоторое количество. По-смертно.

Я знаю, что рассказ выйдет не раньше января. Но торжественно клянусь: в этом году у меня будет маленькая искусственная елка со стеклянными игрушками. И живая ветка с пластиковыми. И большая цифровая картинка дерева в лесу. Но на время трансляции ей придется уступить стену президенту. Хватит романтизировать елку. Пора взрослеть. Тем более балконный ковер сказал, что не потерпит больше таких экспериментов. А мне по нему еще босиком летом ходить. Возьму пример со старших: не дело враждовать с таким авторитетным предметом декора.

